

5.11.2. Историческая теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-3-133-152

Ю. Н. Гусева

Московский городской педагогический университет, г. Москва

«ПЕЧАТНАЯ БОРЬБА» МУСЫ БИГИЕВА: НЕИЗВЕСТНЫЙ ТРУД РОССИЙСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДЕЯТЕЛЯ ОБ АНТИКОЛОНИАЛЬНОМ И АНТИЗАПАДНОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

ГУСЕВА Юлия Николаевна —

д-р ист. наук, доц.,

проф. Департамента истории.

Московский городской педагогический университет

(129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1).

E-mail: j.guseva@mail.ru

Аннотация. В центре внимания автора — ранее неизвестный текст одного из крупнейших российских религиозных деятелей первой половины XX в. Мусы Бигиева (ум. 1949) под названием «Азбука Великих Истин Ислама». Текст обнаружен в материалах Восточного отдела ГПУ–ОГПУ и посвящен богословскому обоснованию непротиворечивости идей коммунизма и ислама. В статье впервые в отечественной историографии дается общая характеристика источника, основные положения, исследуются обстоятельства его появления.

Текст «Азбуки» состоит из введения и пяти глав, разделенных на параграфы, которые посвящены отдельным вопросам сочетаемости основных установок коммунизма и ислама. Тезисы подтверждаются богословской аргументацией, ссылками на Коран и хадисы, высказываниями авторитетных

муджтахидов. Бигиев делает вывод о принципиальном совпадении коммунистических установок и ценностей ислама. Сочинение также содержит развернутые утверждения в пользу сотрудничества российских мусульман и единоверцев различных стран Востока, всего мира с большевиками, призыв к созданию «Восточного Союза» для противодействия «империалистическому Западу».

В заключении делается вывод об исторической обусловленности появления подобного сочинения Бигиева в данный исторический период. «Азбука Великих Истин Ислама» позволяет поставить Бигиева в ряд мировых теоретиков исламской социалистической мысли и именовать его «мусульманским» общественно-политическим деятелем антиколониального и антизападного движения первой половины XX в.

Ключевые слова: Муса Бигиев, «Азбука Великих Истин Ислама», Восточный отдел ГПУ–ОГПУ, «исламский» социализм, «исламский» коммунизм, антиколониализм, антизападничество, советские мусульмане, деколонизация.

Для цитирования: Гусева Ю. Н. «Печатная борьба» Мусы Бигиева: неизвестный труд российского религиозного деятеля об антиколониальном и антизападном сопротивлении // Ислам в современном мире. 2024; 3:133–152;

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-3-133-152

Статья поступила в редакцию: 17.06.2024

Статья принята к публикации: 02.09.2024

Введение

Общественный и академический интерес к фигуре одного из крупнейших религиозных деятелей России первой половины XX в. Мусы Бигиева (1873–1949) не угасает: напротив, его модернистское прочтение исламской традиции и неординарная биография стимулируют современников к изучению перипетий его судьбы¹, выявлению и публикации новых его сочинений².

¹ В 2022 г. в Каире была обнаружена могила великого ученого (принц Египта и муфтий Татарстана в Каире установили памятный знак на могиле богослова Мусы Бигиева. [Электронный ресурс] // URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_29860.html) (дата обращения: 09.08.2024).

² К 150-летию со дня рождения Мусы Бигиева в 2025 году ДУМ РФ и ИД «Медина» планируют завершить работу над серией «Наследие Мусы Бигиева», в которую войдут 50 трудов ученого, изданных на русском, татарском языках и на языке оригинала (Серия «Наследие Мусы Бигиева» будет полностью издана к 150-летию ученого. [Электронный ресурс] //

В материалах Восточного отдела ГПУ–ОГПУ (далее — Восточный отдел) нами был обнаружен ранее неизвестный текст, принадлежащий перу Мусы Бигиева, под названием «Азбука Великих Истин Ислама». Сочинение содержит богословское обоснование непротиворечивости идей коммунизма и ислама, а также аргументацию в пользу сотрудничества мусульман всего мира с большевиками.

В статье дается краткая характеристика источника, основные идеи, описываются обстоятельства его появления. Мы проясним бигиевский образ настоящего и будущего для стран Востока и пути его достижения. В заключение докажем закономерность появления подобного сочинения, обозначив идейно-политическую связь богослова с большевиками, российскими и зарубежными лидерами антиколониального и антизападного движения 1920-х гг.

Современное бигиеведение богато на исследования различных аспектов деятельности ученого, особенно это касается дореволюционного периода его жизни: достаточно вспомнить труды М. Гёрмеза¹, Г. Баттала-Таймаса², А. Хайрутдинова³, И. Зарипова⁴, Р. Беккина⁵, А. Тагирджановой⁶ и других. В отдельных работах фиксируются, но не являются специальным объектом исследования, его международные связи⁷. Однако сложно обнаружить в историографии сведения об эволюции его общественно-политических взглядов, контактах Бигиева с мировыми лидерами «мусульманской» антиколониальной мысли в 1920-е гг.

В начале XX в. колонизованные «восточные» общества формулировали различные варианты освободительной борьбы и образов собственного будущего. Наиболее радикальные и творческие из этих проектов соединили социалистическую мысль с местными национальными, культурными или религиозными традициями. Эти проекты, основанные на идеях равенства, перераспределения и общей собственности, часто рисовали образ будущего за рамками национализма, формулируя их для

URL: <https://muslim.ru/articles/287/33258> (дата обращения: 09.08.2024). О спорах вокруг перечня и количества сочинений, принадлежащих перу ученого, см.: Хайрутдинов А. Г. В поисках наследия Мусы Бигиева: доступное и искомое // *Minbar. Islamic Studies*. 2018. № 11(3). С. 608–618.

¹ Гёрмес М. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Издательство ДУМ РТ, 2009. 167 с. и др.

² Баттал-Таймас Г. Муса Ярулла Биги. Тормышы, эшчэнлеге вә әсәрләре. Казан: «Иман», 1997.

³ Хайрутдинов А. Последний татарский богослов (жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). Казань: Иман, 1999; *Его же*. Муса Жаруллах Бигиев: фәнни-биографик жьентык / авт.-төз.: Хайретдинов А. Г. Казан: Жьен, 2022. 832 б. [Муса Джарулла Бигиев: научно-биографический сборник. Казань: Джиен, 2022. 832 с. (на тат. яз.)] и др.

⁴ Зарипов И. А. Теологические исследования ислама: корановедение, джадидоведение, бигиевистика. М.: ИД «Медина», 2024. 280 с.

⁵ Беккин Р. И. «Я мог бы бежать и в Финляндию» (История одного несостоявшегося побега Мусы Бигеева) // *Гасырлар авазы = Эхо веков*. 2018. № 4. С. 88–102 и др.

⁶ Тагирджанова А. Н. Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010.

⁷ Гусева Ю. Н. Исламские лидеры Волго-Урала и публичная дипломатия Советской России 1920-х годов: достижения и проблемы // *Ислам в современном мире*. 2015. Т. 6. № 1. С. 19–26.

всего Востока. Одним из подобных революционных интеллектуальных подходов стал исламский социализм¹.

Еще в 1912 г., индеец, лондонский адвокат Мушир Хосейн Кидвай (Mushir Hosain Kidwai) написал ставший классическим текст «Ислам и социализм», в котором попытался обосновать долгую историю исламского социализма, проследил его появление до пророка Мухаммада и завершил книгу видением азиатского будущего, которое «совершит революцию в истории и, возможно, также в географии мира»². Уже в 1916 г., до октябрьских событий 1917 г. в России, на конгрессе индонезийских мусульман движения «Сарекат», обсуждался вопрос объединения исламских и социалистических принципов, которые воспринимались как две непротиворечивые идентичности³.

Наиболее известным и хорошо изученным российским теоретиком такого рода является национал-социалист Мирсаид Султан-Галиев (1892–1940), который призывал объединить «мусульманские массы» в автономное коммунистическое движение, способное освободить покоренные «восточные» народы, при этом учитывая специфику их социокультурного развития. До настоящего времени сочинения Бигиева сходной тематики не были известны.

В исследованиях, особенно характерных для отечественной историографии конца 1990-х — начала 2000-х гг., было принято подчеркивать принципиальную несовместимость ислама как политико-идеологической системы и большевистских, коммунистических идей. Между тем сегодня появляются важные, аргументированные (основанные на материалах позднего Советского Союза) замечания относительно ошибочности привычного антагонистического постулата об их несовместимости в массовом сознании «советских» мусульман⁴.

Актуальность темы связана с изучением исторического разнообразия дискурсов национальной, этнической и религиозной идентичности российских мусульман, которые в начале XX в. часто облекались в термины борьбы против мирового империализма, западных стран.

¹ Layli Uddin. Red Maulanas: Revisiting Islam and the Left in twentieth-century South Asia // *History Compass*. 2023, Vol. 21, Issue 11. November. [Электронный ресурс] // URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hic3.12787> (дата обращения: 01.07.2024).

² Layli Uddi. Red Maulanas: Revisiting Islam and the Left in twentieth-century South Asia.

³ Lin Hongxuan. Sickle as Crescent: Islam and Communism in the Netherlands East Indies, 1915–1927 in *Studia Islamika. Indonesian Journal for Islamic Studies*. 2018. Vol. 25. № 2. P. 345.

⁴ *Tasar Eren*. Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. Oxford University Press. 2017. Альфريد Бустанов отмечает, что «Эпоха застоя стала временем, когда последователи логоцентричного прочтения исламской традиции (т.е. сужения основных источников непосредственно к основам религии в виде Корана и Сунны) взяли на вооружение советскую риторику о модернизации и прогрессе. Было бы ошибкой считать эти построения чистой пропагандой: для многих мусульман мусульманство (в смысле «традиционного ислама») и советские реалии действительно были совместимы» (Бустанов А. Коран для советских граждан: риторика прогресса в богословских трудах Габделбари Исаева // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 93–110).

Особый интерес представляет то, как Бигиев пытался синтезировать различные языки описания, религиозные и светские идеи, которые впоследствии стремился перевести в практическую плоскость.

Общественно-политический путь Бигиева заслуживает самого пристального изучения и из-за его прямого исторического значения для развития современных «мусульманских» дискурсов; помогает понять общность и специфику контуров радикальных исламских политических движений различных исторических эпох и способов, которыми мусульмане выступали против колониального правления. Кроме того, сюжет позволяет поставить под сомнение тезис о «чужеродности»¹ революционных идей для мусульман Российской империи.

Научная новизна связана с выявлением значимого, но часто упускаемого из виду, вопроса участия российских мусульман в антиколониальных, чаще всего — антизападных, сетях, которые развивались в различных регионах мира в 1920-х гг. С этой точки зрения особенно интересно взаимодействие Бигиева с теоретиками мировой антиколониальной мысли, которые стояли на позициях тождественности идей ислама и социализма, ислама и коммунизма. В мировой историографии достаточно работ, посвященных жизни и деятельности ведущего мусульманского радикального идеолога того времени, индийца Мохаммеда Баракатуллы Бхопали (1859–1927), более известного под своим почетным именем маулана² Баракатулла³, с которым неоднократно встречался российский богослов. Однако фигура Бигиева в подобной аналитической оптике ранее не рассматривалась. Этот сюжет будет намечен как пролог для будущих исследований.

¹ Салават Исхаков указывает на это во введении к сборнику документов о событиях 1917 года (Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и примеч. С. М. Исхаков. М.: СПб.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 6, 8).

² Маулана (с араб. *mawlānā* — «покровитель», «защитник») — исламский духовный титул.

³ Мохаммед Баракатулла Бхопали (маулана Баракатулла) — ведущий мусульманский радикальный идеолог своего времени, который между 1919 и 1927 гг. жил в Москве и Берлине. Опубликовал ряд текстов в поддержку политических позиций большевиков, среди них — «Обращение ко всем мусульманам Азии» (22 марта 1919) и «Большевистские идеи и Исламская республика» (14 апреля 1919). Он предлагал масштабный план объединения мусульман Центральной Азии и Индии против Великобритании (*Тихонов Ю. Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945)*. М.; Липецк: ООО «Информ», 2007. С. 20). Баракатулла не видел противоречия между социализмом и исламом, выпустил буклет под названием «Большевизм и исламская политика», чтобы вербовать мусульман по всему миру. Открыто заявлял, что не является ни коммунистом, ни социалистом. Исследователи утверждают, что его исламская идентичность, антиколониализм и большевистские призывы к революции, основанной на равенстве и свободе, были совместимы (*Samee Siddiqui. Coupled Internationalism: Charting Muhammad Barkatullah's Anticolonialism and Pan-Islamism // ReOrient: The Journal of Critical Muslim Studies*, 2019. Vol. 5. No. 1 (Autumn). Pp. 25–46. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.13169/reorient.5.1.0025> (дата обращения: 01.07.2024)); *Layli Uddin. Red Maulanas... Humayun Ansari. Maulana Barkatullah Bhopali's Transnationalism: Pan-Islamism, Colonialism, and Radical Politics in Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers / Ed. by Götz Nordbruch and Umar Ryad. Palgrave Macmillan. 2014. P. 182*).

«Азбука Великих Истин Ислама» как исторический источник

Текст сочинения представляет собой набранный на печатной машинке 11-страничный документ на русском языке под названием «Азбука Великих Истин Ислама». Он был выявлен в фонде Восточного отдела ГПУ–ОГПУ (далее — Восточный отдел)¹. В левом верхнем углу первой страницы не идентифицированная подпись карандашом и отметка «ВОГПУ»².

Текст содержится в материалах, которые посвящены деятельности т.н. панисламистов, в т.ч. Бигиева, содержательно, стилистически, структурно перекликается с известной работой «Азбука ислама»³, написанной в 1920 г. (издана в 1923 г. в Берлине). Напомним, что в «Азбуке ислама» 1920 г. Бигиев подверг жесткой критике как коммунистическую идеологию, так и взгляды Маркса. Эта книга вкупе с работой «Обращение к Великому национальному собранию Турции» стала одной⁴ из причин его ареста 17 ноября 1923 г.⁵.

Полагаем, что датой создания текста может считаться ноябрь 1923 — январь 1924 г., т.е. время пребывания Бигиева на Лубянке, а написание новой «Азбуки» стало одним из условий его освобождения. Что об этом свидетельствует?

Мы неоднократно писали о том, что в начале 1920-х гг. спецслужбы налаживали временное сотрудничество с религиозными деятелями различных религий «прогрессивного» толка⁶. Признавая серьезный

¹ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 2. Д. 696.

² Из этого можно сделать вывод, что имелось несколько экземпляров данного текста, но в настоящее время они не обнаружены.

³ Оригинальные названия данного труда: «Ислам милләтләренә дини, әдәби, сәяси мәсьәләләр, тәдбирләр хакында», оно же — «Воззвание к мусульманским нациям» Русск. пер.: *Бигиев М. Д.* Избранные труды. Т. 2. Казань: Татар. кн. из-во., 2006. С. 45–126.

⁴ Ранее мы предположили, что другой причиной могло стать его твердое намерение выехать в 1923 г. на Всемирный мусульманский съезд в Калькутту, несмотря на отказ в выезде в составе официальной делегации. Этот факт еще раз подчеркивает особые, прочные, наработанные связи Бигиева с индийскими богословами и политиками (Подробнее: *Гусева Ю. Н.* Волго-уральские мусульмане и Всемусульманский конгресс в Калькутте (осень 1923 г.) // Современный взгляд на актуальные проблемы отечественной истории и культуры: сб. науч. работ преподавателей и аспирантов. М., 2014. С. 92–99; *Гусева Ю. Н.* Исламские лидеры Волго-Урала и публичная дипломатия... С. 19–26).

⁵ Это был его второй арест: впервые он был арестован в 1921 г. Ташкентской ЧК и 50 дней провел в заключении.

⁶ *Гусева Ю. Н.* Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: Офорт, 2013; *Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н.* Разделяй и властвуй: неудачная попытка власти расколоть мусульманское духовенство в 1920-е годы // Власть. 2013. № 8. С. 138–140. Исследователи полагают, что созданная в 1922 г. лояльная власти обновленческая Церковь («Живая церковь») стала первым успешным проектом спецслужб, позволившим применить накопленный опыт и в отношении других конфессий (*Петров С. Г.* Сотрудничество обновленцев и ГПУ–ОГПУ в 1920-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6(116)). [Электронный ресурс] // URL: https://history.jes.su/s207987840021763-8-1/ (дата обращения: 01.07.2024).

общественный вес Бигиева внутри страны, обширность его зарубежных связей, а также положительный опыт общения с Лениным и другими видными большевиками, сотрудники Восточного отдела были заинтересованы в том, чтобы привлечь богослова на свою сторону. Однако он не вызывал доверия спецслужб: в документах его взгляды неизменно квалифицировались как «панисламистские»¹. В одной из сводок материалов из Татарского и Башкирского отделов ГПУ за май–сентябрь 1923 г. говорилось, что Бигиев «в религиозном смысле настроен прогрессивно, но в политическом — антисоветски»². В тот момент, когда Бигиев оказался под следствием, возник большой соблазн использовать его могучий интеллектуальный потенциал и обширные связи для реализации собственных задач внутривнутриполитического и внешнеполитического толка.

Ссылаясь на материалы следственного дела, Ренат Беккин отмечает, что во время следствия Бигиев отказался от большей части своих взглядов, содержащих критику советской власти, и «частично раскаялся»³. Исследователь подчеркивает, что «в показаниях Бигиева встречается немало пассажей, где он не только пытается показать себя человеком, придерживающимся высоких моральных принципов, но и подчеркивает свою высокую квалификацию. Так, например, религиозный деятель утверждал: «Я не дипломат, я очень убежденный исламист-мусульманин... стою гораздо выше всех мусульман по знанию Корана и, следовательно, не мог быть агентом какой-нибудь партии или какой-нибудь группы в России и даже Турции», и далее — «...я имею смелость сказать громко, что только мое толкование Корана может дать мир миру, только мое учение может примирить Восток с Западом, только мое учение может сблизить мир ислама с советской властью (курсив наш. — Ю. Г.)»⁴. Фактически речь идет о рекламе собственных интеллектуальных возможностей.

О достигнутом компромиссе свидетельствует и то, что после выхода на свободу публичная позиция М. Бигиева в отношении политики большевиков меняется на диаметрально противоположную: на публике он постоянно призывает российских и зарубежных мусульман к сотрудничеству с советской властью. Так, на съезде Центрального духовного управления 1926 г. в докладах о Мекканском конгрессе особенно резкие выступления против политики империалистических держав на Востоке принадлежали Бигиеву. Он же активно призывал к «полной поддержке

¹ ЦА ФСБ России. Ф.2. Оп.1. Д.737. Л.3.

² ЦА ФСБ России. Ф.2. Оп.1. Д.661.

³ Беккин Р. И. «Я имею смелость сказать громко, что... только мое учение может сблизить мир ислама с советской властью» (Архивно-следственное дело Мусы Бигиева 1923–1924 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6(116). [Электронный ресурс] // URL: <https://history.jes.su/s207987840021687-4-1/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Беккин Р. И. Указ. соч.

Соввласти, единственно защищающей интересы угнетаемых мусульманских наций»¹.

О смене его политических взглядов свидетельствуют и его тесные связи с Наркоматом иностранных дел в период 1918–1927 гг.² Созданные для него возможности свободного, неоднократного выезда из страны указывают на «зеленый коридор», предоставленный ему советскими дипломатами по согласованию с Восточным отделом. Все это дает нам уверенность в том, что существовали объективные условия и договоренности о взаимовыгодном сотрудничестве.

Важно отметить, что при этом Бигиев был чрезвычайно последователен в своей приверженности исламским ценностям и мировоззрению, он неуклонно ратовал за обеспечение реальных религиозных свобод, зафиксированных в советском законодательстве.

На принадлежность текста перу Бигиева также указывают сходство в названиях его трудов («Азбука Ислама» и «Азбука Великих Истин Ислама»), стилистика, структура сочинения. Оно демонстрирует высокий уровень богословских знаний автора, широту его политических взглядов, глубину богословской аргументации по чрезвычайно актуальным темам. Вопрос о том, почему тексту не был дан «зеленый свет» для публикации, пока остается открытым.

Текст новой «Азбуки» состоит из введения и пяти глав, разделенных на параграфы, которые посвящены отдельным вопросам. Практически каждый тезис подтверждается богословской аргументацией, сопровождается ссылками на Коран и хадисы, высказывания авторитетных муджтахидов. Дадим краткую характеристику текста.

Введение делится на 2 параграфа: § 1. Две группы народов мира. § 2. Задачи мусульманина. Основные тезисы связаны с противопоставлением стран Запада и покоренных ими народов Востока, которые лишены свободы, субъектности, а потому обречены на бедность и рабство. Западному империализму противостоят трудящиеся советских республик. В этой ситуации мусульмане, руководствуясь принципами ислама, должны встать на сторону тех, кто борется за свободу народов Востока. Для этого мусульмане должны понять, что «истины Ислама вполне совпадают с задачами Советских стран»³.

Первая глава содержит в себе следующие параграфы: § 1. Цивилизация и прогресс. § 2. Наука и знание, техника с точки зрения ислама.

¹ Докладная записка о съезде мусульманства и представителей верующих в г. Уфе (25 октября — 4 ноября 1926) // Ислам и советское государство. Вып.: 1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. М.: ИД Марджани, 2010. С. 80.

² До конца 1927 г. Бигиев был постоянным конфиденнтом сотрудников Наркомата иностранных дел. Он выполнял важные поручения, обменивался информацией с его руководством. Об этом свидетельствует обнаруженная нами в материалах ВО ОГПУ переписка Бигиева с сотрудниками НКВД, которую мы планируем ввести в научный оборот.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 696. Л. 1.

§ 3. Ремесла, индустрия, коммерция и агрикультура. § 4. Презрение к праздности в исламе. В данной главе богослов доказывает, что ислам, будучи религией цивилизации, культуры и прогресса, стимулирует своих последователей к труду, овладению науками, препятствует лени¹.

Вторая глава состоит из следующих частей: § 1. Свобода совести. § 2. Отсутствие элемента принудительности в исламе в выборе религии. § 3. Различие ислама и требований империалистов. Они постулируют наличие свободного выбора в исламе, уважение к представителям других религий. Иной, противоположный, инструментальный подход характерен для западных стран, которые используют религиозный фактор, чтобы «пробуждать вражду между восточными народами во имя религии и сеять рознь во всем свете»².

В **третьей главе** Бигиев рассуждает на тему «Учение коммунизма с точки зрения ислама»: § 1. Всеобщее равенство. § 2. Равенство среди социальных групп. § 3. Равенство среди наций и народов. § 4. Национальное пристрастие. § 5. Меры против экономического неравенства. Основной тезис ученого: ислам — религия, наиболее близкая коммунизму, что доказывается наличием идей всеобщего равенства, равенства социальных групп, практики перераспределения доходов и пр.³

Четвертая глава продолжает размышления богослова на тему притеснений восточных народов со стороны западного империализма, в особенности английского, постулирует необходимость солидарного ответа мусульманских народов для освобождения собственных земель. Параграфы именуются так: § 1. Империалистические государства и ислам. § 2. Ислам предписывает полное равенство. § 3. Ислам предписывает распространение знаний, запрещает [их] укрывать. § 4. [Без названия]⁴.

Наконец, **пятая глава** — «Русская политика, предвиденная с точки зрения Ислама. Обязанности мусульманина по отношению к русскому правительству». В ней содержится призыв к мусульманам всего мира обратиться за поддержкой к России как к единственному свободному государству, которое сможет помочь Востоку обрести политическую и экономическую свободу, станет гарантией их независимости («Освобождение Востока невозможно без объединения с Россией»). Для этого он предлагает совместно с советскими республиками создать «Восточный союз», который «сумеет отомстить империалистическому Западу»⁵. В этом он отчасти следует за идеями М. Султан-Галиева. Напомним, что в 1923 г. ОГПУ перехватило письмо Султан-Галиева иранскому

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 696. Л. 2–4.

² Там же. Л. 5–5 об.

³ Там же. Л. 6–7.

⁴ Там же. Л. 8–9.

⁵ Там же. Л. 10–11.

коммунисту Таджи Ахши с предложением «вступить в контакт с афганскими, индийскими, арабскими и турецкими революционерами», предположительно, в целях создания Колониального Интернационала¹.

Итак, если две первые главы носят более общий характер, то введение и три последние представляют собой высказывание богослова на острые общественно-политические темы в духе идей исламского социализма, попытку соединить исламские воззрения с большевистским учением.

Муса Бигиев — «красный маулана»?

Зададимся вопросом: почему в появлении текста такого рода в этот исторический период нет ничего парадоксального? Более того, учитывая особенности творческого пути Бигиева, можно было предположить факт существования подобного текста.

На наш взгляд, новая «Азбука» стала производной трех составляющих: во-первых, особую роль сыграла собственная биография Бигиева, типаж общественно активной личности — теоретика, имевшего обширные интеллектуальные связи с зарубежными и российскими интеллектуалами, политиками². Во-вторых, большое значение имела глобальная историческая трансформация послевоенного периода, связанная с поиском мусульманскими элитами различных стран новых путей развития колонизованных обществ. Наконец, этому способствовал интерес большевиков в обретении попутчиков на «собственном» и зарубежном Востоке, способных поддержать их антиколониальную и антизападную повестку.

Условия окончания Первой мировой войны, поражение и распад Османской империи способствовали сближению приверженцев панисламизма³ и антиколониализма и, как следствие, — усилению радикализации среди мусульман. Бигиев, как и многие другие его современники-интеллектуалы, пережили серьезное крушение надежд из-за развала

---

¹ Hamzić V. Mir-Said Sultan-Galiev and the idea of Muslim Marxism: empire, Third World(s) and praxis // *Third World Quarterly*. 2016. No. 37(11). Pp. 2047–2060.

² Стоит отметить, что подобный типаж религиозного мусульманского деятеля был распространен в этот период: достаточно вспомнить жизненный путь Абдуррешита Ибрагимова или Мауланы Баракатуллы.

³ Как показывает А. Халид, «публичный» панисламизм являлся формой аффективной солидарности, которая объединила мусульманские элиты вокруг Османского государства, для которого был характерен специфический «государственный» панисламизм, который использовался в интересах самого Османского государства. В отличие от него «публичный» панисламизм уходил своими корнями в появление новых способов общения и взаимодействия в мусульманском мире в конце XIX века (*Khalid A. Pan-Islamism in practice: the Rhetoric of Muslim Unity and its Uses // Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy/ Ed. by E. Ozdalga. London; New York: Routledge Curzon, 2005. P. 204*).

Халифата и раздела Османской империи¹. Это привело к пересмотру взглядов, к радикализации политических подходов.

Представлявшие собой «таран», способный сломать несущие конструкции системы западного колониализма, большевики привлекали внимание Бигиева уже в первые постреволюционные годы. Считается доказанным факт встречи Бигиева и мауланы Баракатуллы с Лениным². В 1918 г. Бигиев собирался с Баракатуллой поехать в Туркестан, но НКВД РСФСР и ЦК РКП(б) ему в этом отказали³. Позже богослов все-таки получил такое разрешение и находился в Ташкенте в конце 1921 г., где вел пропаганду среди местного населения⁴.

Воссоздание максимально полной картины его контактов с зарубежными единоверцами — перспективная научная задача, а пока отметим, что среди них были известные, авторитетные религиозные, политические деятели Индии: маулана Баракатулла, маулана Убейдулла Синдхи (1872–1944). Возможно, он встречался с основателем коммунистического движения Индонезии Таном Малакой (1897–1949)⁵. Ислам Зарипов отмечает, что «в 1925 г. татарский богослов написал письмо основателю и президенту Всеиндийской мусульманской лиги Мухаммаду Али Джаухару (1878–1931), в котором указывал на новые возможности развития исламских институтов в России, появившиеся после социалистической революции, а также на желание российских мусульман сотрудничать с мусульманами Индии»⁶.

¹ Хорошо известна особая личная привязанность Бигиева к Турции, его вера в перспективы развития Халифата как формы мусульманского единства. На Уфимском съезде мусульман в сентябре 1920 г. он объявил о подчинении российских мусульман Халифату. В своих работах он обращался к Верховному национальному совету Турции, занимался сборами гуманитарной помощи и пр. (*Бигиев М. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 30 и др.*).

² Об этом упоминает в своем интервью авторитетный исследователь наследия Бигиева Айдар Хайрутдинов (Поиск могилы Мусы Бигиева: первая неудача, ученик муфтия Египта и легенда про сына в плену. [Электронный ресурс] // URL: <https://milliard.tatar/news/poisk-mogily-musy-bigieva-pervaya-neudaca-ucenik-muftiya-egipta-i-legenda-pro-syna-v-plenu-2343> (дата обращения: 01.07.2024)).

³ РГАСПИ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 14. Л. 10 об. / цит. по: Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций Востока. С. 504.

⁴ РГАСПИ. Ф. 583. Оп. 4. Д. 8. Л. 70 / цит. по: Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций Востока. С. 504.

⁵ Тан Малака — обучался в Коммунистической академии, в 1921 г. путешествовал по России. Будучи участником IV Интернационала он произнес памятную речь о сходстве между панисламизмом и коммунизмом. Он утверждал, что панисламизм не был религиозным сам по себе, а скорее являлся «братством всех мусульманских народов и освободительной борьбой не только арабов, но также индийцев, яванцев и всех угнетенных мусульманских народов». Это братство означало практическую освободительную борьбу не только против голландского, но и против английского, французского и итальянского капитализма, а значит, и против мирового капитализма в целом (*Lin Hongxuan. Sickle as Crescent: Islam and Communism in the Netherlands East Indies, 1915–1927 // Studia Islamika. Indonesian Journal for Islamic Studies. 2018. Vol. 25. No. 2. P. 345*).

⁶ Сокращённый английский перевод этого письма был опубликован в газете *The Bombay Chronicle* («Бомбейская хроника») 1 октября 1925 г. (*Зарипов И. А. Муса Бигиев // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru/c/bigiev-musa-6684f2> (дата обращения: 01.07.2024)*).

И Баракатулла, и Синдхи¹, и Малака считали ислам и социализм если и не полностью взаимозаменяемыми, то, по крайней мере, «в высшей степени совместимыми». Все эти фигуры «бесшовно» сплели воедино политические словари, образы и практики обеих традиций².

Особенно заметным стало взаимное обогащение идеями в Туркестане, который в тот период представлял собой мировую лабораторию революционного движения³. Считается, что взаимодействия мусульман Южной Азии (индийцев, афганцев, индонезийцев) — путешественников, переселенцев-мухаджиров, которые столкнулись с большевистскими революционерами и институтами в советской Средней Азии, — сыграли определяющую роль в эволюции представлений зарубежных единоверцев от панисламизма к социализму⁴.

На какие «мусульманские» силы могли опереться большевистские лидеры в новых исторических условиях? Большевики, которые культивировали антиколониальные настроения, нашли партнеров в лице джадидов и панисламистских⁵ активистов внутри России и за рубежом⁶. Общим местом историографии является мысль, что многие российские и зарубежные мусульманские интеллектуалы, в том числе сторонники объединения мусульманских стран Востока для противостояния Западу (часто именовались «панисламистами»), были очарованы идеей революционных перемен, хотя их видение радикальных перемен часто не совпадало с позицией большевиков.

Новые советские элиты снискали популярность среди интеллектуалов-джадидов, выступавших за модернизацию, прогресс. Стремительная трансформация в сторону большевиков значительной части джадидов, которые воспринимали революцию не в классовом, а в национальном/националистическом понимании, зафиксирована во многих исследованиях⁷. Сформировавшаяся до событий 1917 г. джадидская традиция

¹ *Ramnath M. Haj to utopia: How the Ghadar Movement charted global radicalism and attempted to overthrow the British empire. University of California Press, 2011.*

² *Ramnath M. Haj to utopia.*

³ О Туркестане как о базе индийского революционного движения см.: *Karomat Dilorom. Indian Freedom Fighters in Tashkent (1918–1922) // Alternative Arguments: Essays in Honour of Surendra Gopal. Edits. Syed Ejaz Hussain, Sanjay Garg. 2020. P. 537–558; Тихонов Ю. Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). С. 23, 51–58.*

⁴ *Layli Uddin. Red Maulanas: Revisiting Islam and the Left in twentieth-century South Asia.*

⁵ В контексте нашей статьи этим термином мы будем именовать сторонников идеи объединения мусульманских стран во имя решения общих антиколониальных задач. Таким образом, он не имеет негативной или позитивной коннотации.

⁶ *Khalid A. Pan-Islamism in practice: the Rhetoric of Muslim Unity and its Uses. Routledge, 2005. P. 220.*

⁷ Лидер постреволюционных джадидов будущего советского Узбекистана Мунаввар-кари фактически сотрудничал с ранними большевиками ради реформирования образования в джадидском стиле (*Бабаджанов Б. М. Журнал «Haqiqat» как зеркало религиозного аспекта идеологии джадидов. Токуо: The University of Tokyo, 2007. С. 67*). В 1919 г. бухарский интеллектуал Абдурауф Фитрат, получивший образование в Османской империи, написал брошюру под названием «Шарк сийосати» («Восточный вопрос»), в которой утверждал, что решение нынешнего кризиса мусульманского мира возможно в союзе с единственной антиимпериалистической силой — Советской

содержала в себе постоянные призывы к читателям сравнить уровень развития Запада и мусульманского Востока и произвести «возврат» у Европы собственных достижений мусульманского мира в науке, технике и культуре¹. Реформистские идеи Бигиева не являлись исключением. В одном из очерков 1912 г. под названием «Почему цивилизованный мир прогрессировал, а мир ислама пришел в упадок?» богослов писал: «Цивилизованный мир утвердился на троне господства в политике и всевластия и впредь намерен никогда не покидать его. Он захватил все имеющиеся на земле природные кладовые и присвоил себе все могущество и силу. Второй из этих миров находится в положении раба, оказался под чуждым управлением. Главная причина — цивилизованный мир проявил старание и усердие. Силой наук и просвещения он подчинил себе природу и все народы земли. В то же время мир ислама не развивался, он бездельничал и пребывал в невежестве»².

Революция 1917 г. не создала с нуля, а, скорее, институционализовала сотрудничество между мусульманскими реформистами и большевистскими политиками. Реформаторы от ислама больше не считали государство врагом, теперь это был потенциальный инструмент перемен.

Джадиды были не единственными среди мусульман бывшей империи, кого тянуло к большевизму. Среди мусульман широко обсуждалась тема сопряжения исламских ценностей и установок с социалистическими³. Достаточно вспомнить о призывах к созданию советов и своеобразном прочтении социалистических постулатов сторонниками ваисовцев. В начале 1920-х гг. в Советской России появляется ряд богословских работ, наполненных пафосом непротиворечивости ислама коммунизму. «Реформированный» ислам становился помощником в строительстве социализма: «Все вместе взятое... отождествляется с программой нашей партии, ислам становится рядом с коммунизмом, а Магомет оказывается “единомышленником” Карла Маркса»⁴.

Итак, появление подобного сочинения было вполне ожидаемым, вытекало из общей логики локального и глобального общественно-политического развития борющегося за освобождение мусульманского мира.

Россией (*Khalid A. Pan-Islamism in practice: the Rhetoric of Muslim Unity and its Uses. P. 219–220*). Подробнее о сотрудничестве джадидов с большевиками в советском Туркестане см.: *Халид А. Центральная Азия: От века империй до наших дней. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. С. 171–199* и др.

¹ *Бабаджанов Б. М. Журнал «Naqiqat» как зеркало религиозного аспекта идеологии джадидов. С. 61.*

² *Бигиев М. Некоторые актуальные проблемы нашего общества. М.: ИД Медина, 2022. С. 63.*

³ *Dave Crouch. The Bolsheviks and Islam // International Socialism 2006, 2: 110, Spring [Электронный ресурс] // URL: <https://www.marxists.org/history/etol/newspape/isj2/2006/isj2-110/crouch.html> (дата обращения: 01.07.2024).*

⁴ *Дриёв Х. Кино, нация, империя. Узбекистан, 1919–1937. СПб.: Библиороссика, 2023. С. 204–205.*

Заключение

Муса Бигиев представляет собой не сугубо религиозно-богословскую, но и видную общественно-политическую фигуру, участвовавшую в продвижении антиимперских дискурсов и в локальном, и в мировом масштабе. Обнаруженный в материалах Восточного отдела ранее неизвестный труд Бигиева «Азбука Великих Истин Ислама» позволяет поставить богослова в ряд теоретиков мирового антиколониального движения, стремившихся выразить антиимперскую, антизападную идеологию в богословских терминах, сочетая их с понятиями и языком коммунистической идеологии. Он принадлежал к «гибридному типу религиозного лидерства» (Г. Сибгатуллина)¹, который, по примеру Исмаила Гаспринского или мауланы Баракатуллы, совмещал свои религиозные убеждения с рациональностью и проектом государственного строительства, предложенным большевистскими элитами. До конца 1920-х гг. Бигиев сотрудничал с большевиками в части агитации и пропаганды, помогал налаживать контакты с зарубежными богословами и политиками. Данный текст идеологически обосновывал его фактическую деятельность.

Рождение новой, промарксистской, «Азбуки» было подготовлено всем ходом переживаемого исторического момента и перипетиями личной биографии Бигиева. Будучи активным коммуникатором, включенным в транснациональные сети радикально настроенных в отношении стран Запада мусульманских политиков, которые пытались соединить социализм с исламом, Бигиев не мог «не заразиться» подобными воззрениями. К этому шагу толкал мусульман-интеллектуалов и переживаемый странами Востока исторический момент, связанный с разочарованием в халифатизме. В первые постреволюционные годы этому переходу активно потворствовали большевики, делавшие ставку на джадидов и богословов «прогрессистского», реформистского толка.

Текст является важным доказательством наличия транснациональных связей между радикальными религиозными идеологами «поверх границ». Даже при первом ознакомлении с текстом становится явной перекличка бигиевских идей с сочинениями индийских, индонезийских, турецких и иных революционно настроенных интеллектуалов в разных уголках земного шара. Для многих из них именно Советская Россия, Туркестан стали центрами притяжения, в которых сплавлялись, переосмысливались вопросы антиколониального сопротивления.

Подобно своим зарубежным коллегам, Бигиев делал ставку на мусульманское единство в тесном союзе с большевиками и социалистическими идеями. Однако татарский богослов, как и многие его зарубежные

---

¹ *Sibgatullina Gulnaz*. When the Other Speaks: Ismā'il Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2022. No. 65(1–2). P. 241.

единомышленники, никогда не претендовал на то, чтобы считаться коммунистом и социалистом — он был лишь последовательным сторонником борьбы против колониальных режимов, борьбы, требовавшей пойти на компромисс с большевиками во имя высоких целей освобождения, деколонизации Востока.

Архивные источники

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661, 737; Оп. 2. Д. 696.

Опубликованные источники

Бигиев М. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Казань: Татар. кн. из-во., 2006. 256 с.

Бигиев М. Некоторые актуальные проблемы нашего общества. М.: ИД Медина, 2022. 200 с.

Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и примеч. С. М. Исхаков. М.: СПб.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. 494 с.

Ислам и советское государство. Вып. 1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. М.: ИД Марджани, 2010. 152 с.

Литература

Бабаджанов Б. М. Журнал «Naqıqat» как зеркало религиозного аспекта идеологии джадидов. Токио, 2007. 70 с.

Баттал-Таймас Г. Муса Ярулла Биги. Тормышы, эшчәнлеге вә әсәрләре. Казан: «Иман», 1997. 55 б.

Беккин Р. И. «Я имею смелость сказать громко, что... только мое учение может сблизить мир ислама с советской властью» (Архивно-следственное дело Мусы Бигиева 1923–1924 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6(116).

Беккин Р. И. «Я мог бы бежать и в Финляндию» (История одного несостоявшегося побега Мусы Бигеева) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2018. № 4. С. 88–102.

Бустанов А. Коран для советских граждан: риторика прогресса в богословских трудах Габделбари Исаева // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 93–110.

Гәрмез М. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Издательство ДУМ РТ, 2009. 167 с.

Гусева Ю. Н. Волго-уральские мусульмане и Всемусульманский конгресс в Калькутте (осень 1923 г.) // Современный взгляд на актуальные

проблемы отечественной истории и культуры: сб. науч. работ преподавателей и аспирантов / отв. сост. Е. И. Шулепникова, А. А. Платонова; под общ. ред. В. В. Кириллова. М., 2014. С. 92–99.

Гусева Ю. Н. Исламские лидеры Волго-Урала и публичная дипломатия Советской России 1920-х годов: достижения и проблемы // Ислам в современном мире. 2015. Т. 6. № 11. С. 19–26.

Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья): монография. Самара: Офорт, 2013. 415 с.

Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н. Разделяй и властвуй: неудачная попытка власти расколоть мусульманское духовенство в 1920-е годы // Власть. 2013. № 8. С. 138–140.

Дриё Х. Кино, нация, империя. Узбекистан, 1919–1937. СПб.: Библиороссика, 2023. 468 с.

Зарипов И. А. Теологические исследования ислама: корановедение, джадидоведение, бигиевистика. М.: ИД «Медина», 2024. 280 с.

Петров С. Г. Сотрудничество обновленцев и ГПУ–ОГПУ в 1920-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6(116).

Тагирджанова А. Н. Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010. 558 с.

Тихонов Ю. Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.: Липецк: ООО «Информ», 2007. 384 с.

Хайрутдинов А. Г. В поисках наследия Мусы Бигиева: доступное и искомое // Minbar. Islamic Studies. 2018. № 11(3). С. 608–618.

Хайрутдинов А. Г. Последний татарский богослов (жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). Казань: Иман, 1999. 138 с.

Хайрутдинов А. Г. Муса Жаруллах Бигиев: фәнни-биографик жыентык / авт.-төз. А. Г. Хәйретдинов. Казан: Жыен, 2022. 832 б.

Халид А. Центральная Азия: От века империй до наших дней. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 560 с.

Crouch D. The Bolsheviks and Islam // International Socialism. 2006. No. 2. P. 110.

Hamzić V. Mir-Said Sultan-Galiev and the idea of Muslim Marxism: empire, Third World(s) and praxis // Third World Quarterly. 2016. 37(11). Pp. 2047–2060.

Hongxuan L. Sickle as Crescent: Islam and Communism in the Netherlands East Indies, 1915–1927 // Studia Islamika. Indonesian Journal for Islamic Studies. 2018. Vol. 25. No. 2. Pp. 309–350.

Humayun Ansari Maulana Barkatullah Bhopali`s Transnationalism: Pan-Islamism, Colonialism, and Radical Politics in Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers / Ed. by Götz Nordbruch and Umar Ryad. Palgrave Macmillan. 2014. Pp. 181–210.

Karomat Dilorom. Indian Freedom Fighters in Tashkent (1918–1922) // Alternative Arguments: Essays in Honour of Surendra Gopal. 2020. Pp. 537–558.

Khalid A. Pan-Islamism in practice: the Rhetoric of Muslim Unity and its Uses // Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy / Ed. by E. Ozdalga. London; New York: Routledge Curzon. 2005. Pp. 203–226.

Ramnath M. Haj to utopia: How the Ghadar Movement charted global radicalism and attempted to overthrow the British Empire. University of California Press, 2011. 328 p.

Siddiqui S. Coupled Internationalism: Charting Muhammad Barkatullah's Anticolonialism and Pan-Islamism // *ReOrient: The Journal of Critical Muslim Studies*. 2019. Vol. 5. No. 1 (Autumn). Pp. 25–46.

Sibgatullina G. When the Other Speaks: Ismā'il Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2022. No. 65(1–2). Pp. 214–247.

Tasar E. Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. Oxford University Press, 2022. 336 p.

Uddin L. Red Maulanas: Revisiting Islam and the Left in twentieth-century South Asia in *History Compass*. 2023. Vol. 21. Iss. 11.

Archive sources

Tsentralnyi arkhiv Federalnoy Sluzhby Bezopasnosti Rossii [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Fund 2. List 1. File 661, 737; List 2. File 696.

Published sources

Bigiev M. (2005). *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 vol.]. Vol. 1. Kazan: Tatar. kn. izd-vo Publ. 336 p.

Bigiev M. (2022). *Nekotorye aktual'nye problemy nashego obshchestva* [Some current issues in our society]. Moscow: ID Medina Publ. 200 p.

Islam i sovetskoe gosudarstvo Iss. 1 (po materialam Vostochnogo otd. OGPU. 1926 g.) [Islam and the Soviet State. Vol. 1 (based on the materials of the Eastern Department of the OGPU. 1926)] (2010). D. Yu. Arapov and G. G. Kosach, intro. articles, comp. and commentary. Moscow: ID Mardzhani Publ. 152 p.

Velikaya rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda i musul'manskoe dvizhenie: sbornik dokumentov i materialov [The Great Russian Revolution of 1917 and the Muslim Movement: a collection of documents and materials] (2019). S. M. Iskhakov, comp., preface and footnote. Moscow: St Petersburg: IRI RAN Publ., Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. 494 p.

References

Ansari H. (2014). Maulana Barkatullah Bhopali's Transnationalism: Pan-Islamism, Colonialism, and Radical Politics. *Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers* / Ed. by Götz Nordbruch and Umar Ryad. Palgrave Macmillan. Pp. 181–210.

Babadzhanov B. M. (2007). *Zhurnal «Haqiqat» kak zerkalo religioznogo aspekta ideologii dzhadidov*. [“Haqiqat” magazine as a mirror of religious aspect of Jadid ideology]. Tokyo: University of Tokio. 70 p.

Battal-Tajmas G. (1997). *Musa Yarulla Bigi. Tormy`shy`, e`shchanlege va asarlare* [Musa Yarulla Bigi]. Kazan: «Iman» Publ. 55 p.

Bekkin R. I. (2018). «Ya mog by` bezhat` i v Finlyandiyu» (Istoriya odnogo nesostoyavshegosya pobega Musy` Bigeeva) [“I could have fled to Finland” (The story of one failed escape of Musa Bigeev)]. *Gasy`rlar avazy` = Exo vekov*. № 4. Pp. 88–102.

Bekkin R. I. (2022). «Ya imeyu smelost` skazat` gromko, chto...tol`ko moe uchenie mozhet sblizit` mir islama s sovetskoj vlast`yu» (Arxivno-sledstvennoe delo Musy` Bigieva 1923–1924 gg.) [“I have the courage to say loudly that...only my doctrine can bring the world of Islam closer to the Soviet power” (Archival and investigative case of Musa Bigiev 1923–1924)]. *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya»*. Vol. 13. Iss. 6 (116).

Bustanov A. (2018). Koran dlya sovetskix grazhdan: ritorika progressa v bogoslovskix trudax Gabelbari Isaeva [Koran for Soviet citizens: the rhetoric of progress in the theological works of Gabelbari Isaev]. *Antropologicheskiy forum*. № 37. Pp. 93–110.

Crouch D. (2006). The Bolsheviks and Islam. *International Socialism*. No. 2. P. 110.

Dilorom K. (2020). Indian Freedom Fighters in Tashkent (1918–1922). *Alternative Arguments: Essays in Honour of Surendra Gopal*. Ed. by Syed Ejaz Hussain, Sanjay Garg. Pp. 537–558.

Driyo X. (2023). *Kino, naciya, imperiya. Uzbekistan, 1919–1937* [Cinema, nation, empire. Uzbekistan, 1919–1937]. St Petersburg: Bibliorossika Publ. 468 p.

Görmez M. (2009). Musa Dzharullax Bigiev [Musa Dzharullakh Bigiev]. Kazan: Izdatel`stvo DUM RT Publ. 167 p.

Guseva Yu.N. (2013). *Rossijskiy musul`manin v XX veke (na materialax Srednego Povolzh`ya): monografiya* [Russian Muslim in the XX century (on the materials of the Middle Volga region)]. Samara: Ofort Publ. 415 p.

Guseva Yu.N. (2014). Volgo-ural`skie musul`mane i Vsemusul`manskij kongress v Kal`kutte (osen` 1923 g.) [Volga-Urals Muslims and the All-Muslim Congress in Calcutta (autumn 1923)]. *Sovremenny`j vzglyad na aktual`ny`e problemy` otechestvennoj istorii i kul`tury`: sb. nauch. rabot prepodavatelej i aspirantov*. E. I. Shhulepnikova, A. A. Platonova (responsible compilers); edited by V. V. Kirillova. Moscow: MGPU Publ. Pp. 92–99.

Guseva Yu.N. (2015). Islamskie lidery` Volgo-Urala i publichnaya diplomatiya Sovetskoj Rossii 1920-x godov: dostizheniya i problemy` [Islamic leaders of Volga-Ural and public diplomacy of Soviet Russia in the 1920s: achievements and problems]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 6. Iss. 1. Pp. 19–26.

Guseva Yu.N., Senyutkina O. N. (2013). Razdelyaj i vlastvuj: neudachnaya popy`tka vlasti raskolot` musul`manskoe duxovenstvo v 1920-e gody` [Divide and rule: an unsuccessful attempt of the authorities to split the Muslim clergy in the 1920s]. *Vlast`*. № 8. Pp. 138–140.

Hamzić V. (2016). Mir-Said Sultan-Galiev and the idea of Muslim Marxism: empire, Third World(s) and praxis. *Third World Quarterly*. 37(11). Pp. 2047–2060.

Hongxuan L. (2018). Sickle as Crescent: Islam and Communism in the Netherlands East Indies, 1915–1927. *Studia Islamika. Indonesian Journal for Islamic Studies*. Vol. 25. No. 2. Pp. 309–350.

Khalid A. (2005). Pan-Islamism in practice: the Rhetoric of Muslim Unity and its Uses. *Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy*. Ed. by E. Ozdalga. London; New York: Routledge Curzon. Pp. 203–226.

Khalid A. (2024). *Central`naya Aziya: Ot veka imperij do nashix dnei* [Central Asia: From the Age of Empires to the Present Day]. Moscow: Al`pina non-fikshn Publ. 560 p.

Khayrutdinov A. G. (1999). *Poslednij tatarskij bogoslov (zhizn` i nasledie Musy` Dzharullaxa Bigieva)* [The Last Tatar Theologian (Life and Legacy of Musa Jarullah Bigiev)]. Kazan: Iman Publ. 138 p.

Khayrutdinov A. G. (2018). V poiskax naslediya Musy` Bigieva: dostupnoe i iskomoe [In search of Musa Bigiev's heritage: available and sought]. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 608–618.

Khayrutdinov A. G. (2022). *Musa Dzharulla Bigiev: nauchno-biograficheskij sbornik* [Musa Dzharulla Bigiev: scientific-biographical collection]. Khayrutdinov A. G. (compiler). Kazan: Dzhien Publ. 832 p.

Petrov S. G. (2022). Sotrudnichestvo obnovlencev i GPU-OGPU v 1920-e gg. [Cooperation between the Renovatationists and the GPU-OGPU in the 1920s]. *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya»*. Vol. 13. Iss. 6 (116).

Ramnath M. (2011). *Haj to utopia: How the Ghadar Movement charted global radicalism and attempted to overthrow the British Empire*. Berkeley, CA: University of California Press. xiv+327 pp.

Sibgatullina G. (2022). When the Other Speaks: Ismā`il Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 65 (1–2). Pp. 214–247.

Siddiqui S. (2019). Coupled Internationalism: Charting Muhammad Barakatullah`s Anticolonialism and Pan-Islamism. *ReOrient: The Journal of Critical Muslim Studies*. Vol. 5. No 1. Pp. 25–46.

Tagirdzhanova A. N. (2010). *Kniga o Muse-e`fendi, ego vremeni i sovremennikax* [The book about Musa-efendi, his time and contemporaries]. Kazan: [n/p]. 558 p.

Tasar E. (2017). *Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991*. New York: Oxford University Press. — xx, 409, [2] p.

Tikhonov Yu. N. (2007). *Politika velikix derzhav v Afganistane i pushtunskie plemena (1919–1945)* [Policies of the Great Powers in Afghanistan and Pashtun tribes (1919–1945)]. Moscow: Lipeczk: OOO «Inform». 384 p.

Uddin L. (2023). Red Maulanas: Revisiting Islam and the Left in twentieth-century South Asia. *History Compass*. 21(11).

Zaripov I. A. (2024). Teologicheskiye issledovaniya Islama: koranovedeniye, dzhadidovedeniye, bigievistika [Theological Studies of Islam: Qur`anic Studies, Jadid Studies, Bigiev Studies]. Moscow: ID «Medina» Publ. 280 p.

“PRINTED STRUGGLE” BY MUSA BIGIEV: AN UNKNOWN WORK BY A RUSSIAN RELIGIOUS SCHOLAR ON ANTI-COLONIAL AND ANTI-WESTERN RESISTANCE

Abstract. The author focuses on a previously unknown text by Musa Bigiev (died 1949), one of the greatest Russian religious figures of the first half of the 20th century, entitled “The ABC of the Great Truths of Islam”. The text was found in the materials of the Eastern Department of the GPU-OGPU and is devoted to the theological substantiation of the consistency of the ideas of communism and Islam. For the first time in Russian historiography, the article gives a general characterization of the source, its main provisions, and examines the circumstances of its appearance. The text of the “ABC” consists of an introduction and five chapters, divided into paragraphs, which are devoted to separate issues of combinability of the basic attitudes of communism and Islam. The theses are supported by theological argumentation, references to the Koran and hadiths, and statements of authoritative mujtahids. Bigiev concludes that there is a fundamental coincidence between communist attitudes and the values of Islam. The essay also contains detailed statements in favor of the cooperation of Russian Muslims and co-religionists of various Eastern countries around the world with the Bolsheviks, and a call for the creation of an “Eastern Union” to counteract the “imperialist West”. In conclusion, the author draws an inference on historical conditionality of the appearance of such a work by Bigiev in this historical period. “The ABC of the Great Truths of Islam” allows us to place Bigiev among the world theorists of Islamic socialist thought and to call him a ‘Muslim’ socio-political figure of the anti-colonial and anti-Western movement of the first half of the 20th century.

Keywords: Musa Bigiev, Alphabet of the Great Truths of Islam, Eastern Department of the GPU-OGPU, “Islamic” socialism, “Islamic” communism, anti-colonialism, anti-westernism, Soviet Muslims, decolonization.

Yulia N. GUSEVA

Professor of Department of History

Moscow City University

(4, Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, bldg. 1, Moscow, 129226, Russian Federation).

